

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права / Р.А. Мюллерсон. – М: Междунар. отношения, 1982. – С. 136.
2. Лютов Н.Л. Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты: соответствие и перспективы совершенствования: науч.- практ. пособие / Н.Л. Лютов. – М.: Центр социально-трудовых прав, 2012. – С. 128.
3. Европейская социальная хартия (пересмотренная): принята Советом Европы 3 мая 1996 г. // Бюллетень международных договоров. – 2010. – № 4.
4. Council of Europe. Conclusions of the European Committee of Social Rights, XIV-2, Spain. P. 684.
5. Council of Europe. Conclusions of the European Committee of Social Rights, XIII-3, Portugal. P. 267.
6. Council of Europe. Conclusions of the European Committee of Social Rights, XIII-1, Greece. P. 124; Conclusions XIII-3, Greece. P. 220.
7. Бергман В. Гражданское уложение Германии. Перевод с немецкого языка. 3-е изд., перераб. / В. Бергманн. – М.: ВолтерсКлувер, 2008. – С. 896.
8. О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя: Конвенция Международной организации труда от 22 июня 1982 г. № 158 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957 - 1990. Т. II.- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 1983 - 1989.
9. Информация о возможности ратификации конвенций Международной организации труда (МОТ) // Материалы парламентских слушаний «Развитие российского законодательства в социальной сфере: перспективы дальнейшей ратификации Российской Федерацией конвенций МОТ», 2009.
10. Council of Europe. Conclusions of the European Committee of Social Rights, 2003, Bulgaria. P. 78.
11. Danilenkov and others v. Russia, 30.07.2007. European Court of Human Rights Database HUDOC: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=danilenkov&sessionId=84782435&skin=hudoc-en>.
12. Лютов Н.Л. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя: российское законодательство и международные акты. Постановка проблемы / Н.Л. Лютов // Трудовое право в России и за рубежом. – 2012. – № 1. – С. 25 - 28.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**К.В. Кононец,
студентка ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
kononecz.kristina@mail.ru**

**Е.Н. Бырдин,
доцент кафедры теории государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Международная и внутригосударственная правовые системы объективно взаимосвязаны. Проблемы их взаимодействия изучались многими известными учеными в течение уже долгого времени. Международное и государственное право это по сути своей схожие явления. Если точнее, и первое и второе направлены на урегулирование и упорядочение отношений в обществе, являются средством выражения фундаментальных, общих принципов и ценностей. В международном праве отражены сложившиеся из многовекового опыта международных соглашений идеи справедливости и гуманизма. То есть, право международное сложилось вследствие соглашения большинства стран по вопросам урегулирования общественных отношений и стало способом отстаивания интересов государств. Принципиальные отличия международного и национального права состоят в об-

стоятельствах возникновения, источниках права, субъектах и объектах правового регулирования [4; 162]. Также источниками международного права считаются судебные решения и некоторые доктрины [6; 17].

Государства сами определяют границы действия национального и международного права на своей территории. Среди ученых и практиков есть три точки зрения на вопрос о взаимодействии внутригосударственного и международного права. Дуалистическая утверждает их независимость, обособленность; вторая указывает на верховенство национального; третья говорит, что главным является международное. (Последние два направления ещё называют монистическими.)

Подход, предусматривающий возможность избежать вживления в национальную правовую систему неприменимых для неё норм международного права, сочетающуюся с активной международной деятельностью этого государства, для современных государств является наиболее выгодным, так как даёт возможность государству самому определять степень открытости своей правовой системы. В России этот подход к пониманию международного сотрудничества становится преобладающим.

Но, международное и внутригосударственное право всегда, неизбежно будут взаимодействовать. Стоит отметить, что в этом взаимном влиянии первичным оказывается право национальное, так как международное право появилось через заимствование наиболее устоявшихся, основополагающих юридических принципов отдельных стран. Но признание первичности внутригосударственного права это ещё не признание его приоритета.

Обсуждаемая в данной работе проблема является актуальной из-за наличия ряда вопросов в данной области. Первое, требует разъяснений факт указания на верховенство международных договоров над национальными нормативными актами в Конституции; второе, вопрос об исполнении международных норм в России; третье, вопрос о разрешении противоречий между нормами Российского и международного права и вопрос ответственности Российского права принципам международного.

Вообще, соотношение законодательства России и Международного законодательства в науке определяется, как особый способ взаимного влияния, опирающийся на фундаментальные Конституционные принципы. Важной частью этого механизма является юридическое закрепление основных принципов международного права, таких как обеспечение прав человека. Здесь важно сказать, что Конституция РФ утвердила вхождение принципов и норм, признанных на международной арене, а также договоров и соглашений, заключающихся между государствами, в Российское национальное законодательство как её составных элементов (ч.4 ст.15 Конституции РФ), во-вторых, признание и гарантию прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами международного права (ч.1 ст.17 Конституции РФ). В итоге Конституция показала, что Российское законодательство развивается в соответствии с международными юридическими принципами, подтвердила статус международных норм в правовых системах стран. Но, упомянутые выше юридические формулы закрепили некоторый потенциал юридической неопределённости. Ярким примером является термин «обще-признанные принципы и нормы международного права», которые, которые вместе с правовыми договорами признаны источниками в национальной системе права РФ. При этом не дано точного определения этих «обще-признанных принципов и норм международного права» [7; 78]. Нет указания на то, что является источником этих принципов, не указано способов их систематизации и легитимации. Этот пробел является существенным недочётом законодательства, хотя отчасти он и восполняется практикой Верховного и Конституционного судов.

Сегодня есть страны, в которых международные нормы считаются частью национального законодательства, и страны, где правовой материал чётко разделён на нормы международные и нормы национального права. Традиционно в Конституциях закрепляется верховенство международных норм. Так, основной закон Российской Федерации гласит: «Если договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Это утверждение так или иначе нашло отражение во всех отраслях законодательства. Уместно сравнить указанное положение с нормами Конституции США, в соответствии с которыми международные договоры признаются полноценными источниками права. Но в США утверждение данной позиции связано с особенностями федеративного устройства. Из-за того, что отдель-

ные штаты нарушали международные договоры, был признан их приоритет. Судебная деятельность Российской Федерации при изучении проблемы взаимодействия международного и национального права, теоретически может использовать этот принцип. Тогда, при возникновении противоречий, нормы национального права будут исправляться до соответствия требованиям международного права. Но отечественные ученые советуют не принимать указанную возможность буквально, потому как «ни одно суверенное государство, какие бы общечеловеческие ценности оно не разделяло не может позволить себе без риска утраты самостоятельности добровольно и безоговорочно сделать своё право зависимым от норм международного, пусть даже договорного, права» [8]. Некоторые учёные даже подчёркивают, что статья 15 Конституции РФ наносит удар Российскому праву, так как делает вероятным влияние на внутренние дела России извне [4; 145]. Некоторые ученые по теоретически правильным критериям делают даже вывод о противоречии друг другу частей 15 статьи Конституции [5]. Стоит заметить, что в раннем проекте Конституции до понятия «международные договоры» было помещено слово «ратифицированные», которого в норме настоящей Конституции нет [6; 50]. Но это совсем не значит, что «теперь всякий договор от подписанного главой государства до межведомственного соглашения, вступившего в силу в момент подписания, обладает приоритетом в использовании над внутригосударственным законом» [7]. В данном случае многие страны предусматривают не прямое использование международных норм в системе национального законодательства, а лишь учтение и соотношение его с собственным законодательством. Часто происходит так, что международные договоры невозможно применить для регулирования отношений внутри страны. Следовательно, утверждать о формально-точном, полностью «безоговорочном» использовании международных актов внутри конкретной страны вообще не стоит [8]. Е.С. Смирнова утверждает, что приоритет в большинстве случаев отдаётся национальному праву, так как государство, в первую очередь, самостоятельно в своей деятельности на международной арене, в предоставлении определенных свобод, прав, учтении интересов [9].

Правовая открытость законодательства для заимствования норм международного заставляет страны создавать особую предупреждающую систему. В наше время известно о наличии определённого списка более менее легальных способов уклониться от принятия обязательств, несоответствующих интересам страны. Если страна осознаёт, что определённая норма международного договора для него нежелательна, то оно задействует некоторые способы защиты. Одним из таких способов защиты является не подписание международного соглашения. Также можно затянуть процедуру ратификации договора, который уже подписан, таким образом оставив его на стадии акта политического согласия, а не реализации норм, как это должно быть в идеале. Существует возможность подписания договора с определёнными оговорками, которые могут затруднить, сделать невозможным исполнение нежелательных обязательств [10; 118]. Здесь важно прояснить, как же государства утверждают это «декларируемое» признание верховенства международных норм. Как показывает мировой опыт, действия стран на международной арене регулируются в том числе и использованием (имплементацией) международного законодательства. Наиболее важным признаётся различие механизмов имплементации и ратификации национального права. В идеале в национальном законодательстве должны появляться нормы, отражающие содержание международного законодательства. При этом согласовании должны появиться специальные нормы, обеспечивающие общность принципов международного и национального права [11; 39]. Но, по мнению многих отечественных ученых, реализация этой теории возможно только в том случае, если создаваемый блок национального права будет закреплять принципы Конституции РФ. Большое значение здесь имеет вопрос о коллизиях международного и Российского национального права. Например, перед вступлением в ВТО Российская Федерация была вынуждена принять новые нормативно-правовые акты в сфере налогового и таможенного законодательства. Конечно, данный пример можно рассмотреть и как восполнение пробела в праве. Но в процессе международного сотрудничества подобные коллизии появляются периодически. Это происходит в определённых ситуациях, а именно: 1) неверное толкование международно-правовых актов; 2) несоответствие национального права нормам международного; 3) принятие правовых актов, которые изначально не соответствуют принципам

международного права; 4) несоблюдение норм международного права субъектами международных отношений. Современная практика межгосударственного взаимодействия предполагает три способа преодоления коллизий: 1) общие принципы права 2) международные нормы, закреплённые в конституциях государств 3) национальные правовые нормы.

Конституционный Суд Российской Федерации играет определяющее значение в обеспечении международных обязательств. Он может обратиться к нормам международного права, например, в делах о соответствии Конституции международного договора, который ещё не вступил в силу. Общеизвестным является положение, утверждающее, что конституционность международных договоров можно проверять только до их вступления в силу. Это ограждает от вероятности воздействия органов власти на соблюдение норм международного права. Но здесь могут возникнуть определённые противоречия по поводу формулировки «не вступивший в силу». Возникает вопрос, касается ли она одной из сторон, то есть можно ли рассматривать договор, который Российская Федерация не подписала. Практики, которая могла бы разрешить существующие противоречия, пока что нет. Т.М. Пряхина, рассматривая данный вопрос, сделала вывод, что международный договор, не вступивший в силу всё равно становится частью правовой системы России, так как предопределяет определённые международные конституционно-правовые обязательства [12]. В целом, Конституционный суд довольно часто ссылается на «нормы и принципы международного права». С помощью актов международного права Конституционный суд может толковать текст Конституции, также он может использовать практику международных судебных органов при обосновании решений. Н.С. Бондарь говорит, что обычно Конституционный суд для разъяснения содержания Конституционного законодательства ссылается на практику Европейского суда по правам человека лишь в целях подкрепления своего решения. Что до непосредственного толкования законодательства, то Суд лишь в одном случае рассматривал дело, ссылаясь на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод [13]. Теоретически, Конституционный суд может ссылаться на акты международного права и в делах о компетенции между субъектами Федерации или между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов РФ, но такую практику многие учёные называют неоднозначной. Периодически ссылаясь на нормы и принципы международного права, Конституционный суд может не обозначать, на какие именно. Стоит отметить, что методы рассмотрения в ходе разбирательства международных и конституционных норм существенно различаются. Отсюда можно сделать вывод, что Конституционный суд до сих пор не разработал для себя точную иерархию источников, зачастую применяя соглашения, в которых Россия никогда не участвовала. По сути, Конституционный суд непосредственно не использует акты международного права, они являются лишь дополнительным аргументом при обосновании решения. В то же время Конституционный суд однозначно признаёт нормы международного права в качестве некоего стандарта, образца, которому должна соответствовать практика судов. Ярким примером является, так называемое, дело Маркина [14], в ходе которого был сделан вывод о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ в рамках современного российского законодательства, что приводит к необходимости проверки конституционной нормы, затронутой постановлением ЕСПЧ. Если будет установлено, что норма, которая мешает реализации решения ЕСПЧ, соответствует Конституции РФ, то он может указать на определённые пути исполнения решений ЕСПЧ. То есть, на вопросы о том, считаются ли решения ЕСПЧ полноценным элементом правовой системы Российской Федерации, а также на вопросы о приоритетности решений ЕСПЧ на данный момент единогласного ответа нет. Следует учитывать, что Конституционный суд при вынесении решений часто ссылается на практику ЕСПЧ для решения противоречий конституционных ценностей [13]. Особого внимания здесь заслуживает ситуация, сложившаяся в результате рассмотрения дела «Алексеев против Российской Федерации». 21 октября 2010 года Страсбургский суд принял решение о том, что запрет публичных акций гей-парадов в Москве нарушил три статьи Конвенции о защите прав человека: право на свободу собраний, право не подвергаться дискриминации, право на эффективную судебную защиту. Возражения Российской Федерации были отклонены. С того времени Комитет министров Европы с особым вниманием наблюдает за исполнением решения по данному делу. И хотя Российская Федерация говорит о том, что выполнила вердикт, то есть заплати-

ла компенсацию, о принятии правовых позиций суда никто не говорит. Официальные органы относительно данной ситуации отмалчиваются, а настроенные проофициально общественные силы неоднократно заявляли о своей позиции [15]. Их точка зрения состоит в том, что Суд ставит свою практику и Европейские правовые традиции обязательными для исполнения в ущерб суверенитету отдельных государств. Кроме того, некоторые высказываются, что подобные решения могут быть опасны для самой европейской системы по защите прав и свобод человека, умаляют авторитет и эффективность её работы. Следует отметить, что Европейский суд говорит о том, что законодательству Российской Федерации необходимо выработать способ судебного обжалования в делах о публичных собраниях, чтобы инициаторы этих собраний могли знать мнение суда ещё до проведения самого мероприятия. Однако со стороны Российских властей никаких действий для реализации данной рекомендации сделано не было. Суды всё ещё рассматривают жалобы на отказ в проведении мероприятий уже после предполагаемой даты проведения, то есть, фактически, исключают возможность проведения мероприятия. Важно отметить, что рассматриваемый вопрос касается не только дел о «правах сексуальных меньшинств», но и, в принципе, возможности человека воспользоваться правом на свободу мирных публичных собраний, то есть проблема определения сроков обжалования отказа на проведение публичных мероприятий. Здесь важно помнить, что существующая в международном праве система гарантии прав человека носит основополагающий характер, является базовой, так как и сложилась она в рамках построения «общемировой системы безопасности». А, следовательно, в идеале её принципы не должны подвергаться сомнениям, иными словами в данной сфере не может возникать коллизий между международной и национальными системами права (за исключением некоторых мусульманских государств). Но при рассмотрении конкретных правовых случаев, при выборе методов реализации прав практика государств может быть различной. В частности, в вопросах о том, в каких ситуациях и, главное, в какой степени, определённые права могут быть ограничены государством. ЕСПЧ может толковать права и свободы человека, которые содержатся в актах международного права, тем самым обозначая границы возможных правовых ограничений. Соответственно, после ряда решений Европейского суда не в пользу России появляется вопрос о том, нужно ли исправлять Российское законодательство в соответствии с этими решениями и возможно ли использование таких решений в Российской судебной системе, а также вопрос о выплатах материальных компенсаций по результатам решения дел в Европейском Суде. На другие аспекты решений Суда, как правило, никакой реакции не следует. По мнению многих специалистов акты международного права не входят в правовую систему России. В данном случае более корректно ситуацию характеризует не ч.4 ст.15 Конституции РФ, а ч.1 ст.17 Конституции РФ (признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права). Следует отметить, что некоторые исследователи в определённой мере подвергают сомнению прямое действие норм самой Конституции РФ.

С учётом всего вышеперечисленного, утверждение о прямом действии норм международного права в системе национального права России выглядит сомнительным. И хотя Конституционный суд Российской Федерации при принятии решений ссылается на нормы международного права, он, фактически, признал верховенство внутригосударственного права над международным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 декабря.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Принята Советом Европы в Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 163.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм. от 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Марченко М.Н. Международный договор как источник современного российского права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2014. №3.

5. Миронов А. Конституция Российской Федерации 1993 г. Смысло-логический анализ. СПб., 2015.
6. Проект Конституции Российской Федерации (сборник материалов). М., 1992.
7. Тузмухамедов Б.Р. Международное право в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2010. № 10.
8. Черниченко С.В. Теория международного права // Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия / Сост. Б.Р. Тузмухамедов. М., 2016.
9. Смирнова Е.С. Конституционная глобалистика: миф или реальность? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4.
10. Толстик В.А. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции (Обзор материалов круглого стола) // Государство и право. 2014. №11.
11. Хижняк В.С. Тенденции и перспективы развития механизма взаимодействия внутригосударственного права России и международного права // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 7.
12. Пряхина Т.М. Конституционно-правовой статус не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6.
13. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М., 2013.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. №27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда».
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации».

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

П.Р. Королева,
студентка ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
dom.polli@mail.ru
Научный руководитель:
Э.А. Сатина,
доцент кафедры гражданского права и
процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

В настоящее время возникают определённые трудности и сомнения в квалификации гражданских правоотношений на предмет добросовестности, поскольку в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации не содержится определения понятия «добросовестность». В общем же смысле под добросовестностью принято понимать личное отношение человека к совершаемым им юридически значимым действиям, его незнание о тех обстоятельствах, которые опровергают внутреннюю либо внешнюю законность акта и могут заставить честного в правовом смысле индивида отказаться от их совершения [19, с. 828]. Иными словами, при добросовестном поведении предполагается реализация субъектом правоотношения своих прав без нарушений норм действующего законодательства и ущемления законных интересов других лиц.

Концепция добросовестного поведения субъектов гражданских правоотношений была введена в действующую систему гражданского права России Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно положениям которого предписание пункта 3 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации теперь изложено в